

## ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА

**Н. А. Айрапетов,**  
аспирант,  
Государственный академический университет  
гуманитарных наук

### ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ ПРИ РАСПОРЯЖЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы применения и значения принципа добросовестности при распоряжении исключительным правом.

**Ключевые слова:** интеллектуальные права, распоряжение правом, сопри-  
вообладание, соавторство, прекращение исключительного права

### CERTAIN ISSUES OF APPLICATION AND SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE DISPOSAL OF AN EXCLUSIVE RIGHT

**Abstract.** The article focuses on the issues of application and significance of the principle of good faith in the disposal of the exclusive right.

**Keywords:** intellectual rights, disposal of right, co-ownership, co-authorship, termination of exclusive right

Особенность гражданско-правового метода регулирования общественных отношений состоит в том, что, с одной стороны, само гражданское право характеризуется определенным внутренним единством, а с другой – тем, что те или иные приемы гражданско-правового регулирования общественных отношений различаются в зависимости от конкретных подотраслей гражданского права, что является отражением его дифференциации [1].

В качестве одного из самых ярких выражений единства в дифференциации гражданского права выступают принципы гражданского права. Они задают общие фундаментальные начала, на которых строится сама отрасль гражданского права, позволяют отделить гражданское право от иных отраслей права и предопределяют выстраивание всего гражданско-правового регулирования в определенном ключе. Принципы по-разному проявляют себя в различных подотраслях гражданского права, их применение также различается в зависимости от конкретной подотрасли.

Принцип добросовестности признается одним из базовых принципов гражданских правоотношений. Причем, как и любой другой принцип гражданского права, принцип добросовестности задает упомянутые «единство и дифференциацию». Это обусловлено тем, что данный принцип является синонимом справедли-

ности, выражая идею подлинного, а не конвенционального права, задачей «нахождения» которого в той или иной степени занимается правоприменитель, законодатель или судья. В связи с этим Д. В. Дождев подчеркивает, что добросовестность отнюдь не является неким этическим, моральным стандартом, позволяет изменять право тогда, когда оно не дает прийти к справедливому результату, напротив, понятие справедливости является синонимом подлинного (объективного) права, поиск которого являлся главной задачей римского юриста, в противовес праву строгому (писаному) [2].

Добросовестность может пониматься как некий нравственный стандарт, описывающий допустимые этические рамки поведения лица. Так, И. Б. Новицкий подчеркивал, что добросовестность «таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении» [2]. Добросовестность представляет собой поиск некоторого нравственного баланса между эгоизмом и альтруизмом в поведении лица: лицо не должно вести себя чрезмерно эгоистично, учитывая лишь свои собственные интересы и не считаясь с интересами других, но при этом оно и не обязано действовать только в соответствии с интересами другого лица.

Похожее мнение высказал А. Г. Карапетов, отмечая, что «зачастую ссылка на нарушение принципа добросовестности означает моральное осуждение некоего поведения участника оборота, нарушающего представления о должной деловой этике и справедливости» [3].

Следует обозначить определенную специфику, которая усматривается за принципом добросовестности в сфере интеллектуальных прав.

Если в классическом обязательственном праве принцип добросовестности требует учета интересов контрагента при возникновении, изменении или прекращении правоотношения, то в нормах об интеллектуальных правах его содержание представляется более широким: очевидно, что вполне допустимо говорить об обязанности действовать добросовестно не только по отношению к конкретному контрагенту, но и по отношению ко всем лицам в принципе. Эта специфика предопределяется в первую очередь абсолютным характером исключительного права. Лицо, которое обладает исключительным правом или претендует на то, чтобы им обладать, обязано вести себя добросовестно по отношению ко всем участникам оборота в сфере исключительных прав в силу абсолютного характера данных прав, поскольку абсолютному праву корреспондирует всеобщая пассивная юридическая обязанность третьих лиц воздерживаться от их нарушения. В связи с этим интерес вызывает позиция С. А. Сеницына, который считает, что всеобщая пассивная юридическая обязанность третьих лиц воздерживаться от нарушения субъективного права не является по своей природе гражданско-правовой. С. А. Сеницын подчеркивает, что «ее соблюдение не влечет возникновения гражданско-правовых последствий, являясь общей публичной регулятивно-охранительной юридической обязанностью, касающейся всех без исключения лиц, подчиненных государству и санкционированной им источниками права» [4].

Особенно интересно обратить внимание на то, как добросовестность правообладателя при осуществлении своих интеллектуальных прав проявляется в ситуации с распоряжением своего права. При этом как в рамках единой правовой общности соправообладателей, так и за ее пределами при вступлении в договорные отношения с третьими лицами.

Исключительное право на большинство объектов интеллектуальной собственности может принадлежать как одному, так и нескольким лицам. Статья 1229 ГК РФ предусматривает, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации за исключением фирменного наименования может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно, и каждый из правообладателей может использовать соответствующий объект по своему усмотрению, за исключением случаев, установленных законом или соглашением между соправообладателями.

Как отмечал Р. Зорм, «совместное авторское право и совместное изобретательское право являются разновидностью юридической общности» [5]. В то же время В. О. Калятин подчеркивает: «Самостоятельность прав влечет возможность каждого правообладателя использовать объект и распоряжаться правом по своему усмотрению без согласования с другими независимыми создателями того же объекта. Однако здесь возникает и точка пересечения: действия одного из обладателей исключительного права могут повлиять на интересы других правообладателей» [6].

Действия автора или правообладателя, которые приводят к прекращению исключительного права на объект интеллектуальных прав в рамках соправообладания, вряд ли можно назвать добросовестными. Это связано с тем, что в итоге один из соправообладателей может лишиться исключительного права других соправообладателей помимо их воли. В сфере результатов интеллектуальной деятельности такое возможно в отношении патентоохраняемых объектов, а именно при признании патента недействительным.

Согласно абз. 1 п. 2 ст. 1398 ГК РФ, патент в течение срока его действия может быть оспорен путем подачи возражения в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности любым лицом, которому стало известно о нарушениях, предусмотренных пп. 1–4 п. 1 ст. 1398 ГК РФ. В силу п. 7 ст. 1398 ГК РФ признание патента недействительным означает отмену решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности о выдаче патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец (ст. 1387 ГК РФ) и аннулирование записи в соответствующем государственном реестре (п. 1 ст. 1393 ГК РФ). В связи с этим возможность оспаривания патента создает риск для существования запатентованного объекта.

При этом абз. 2 п. 2 ст. 1398 ГК РФ наравне с учетом частного интереса лица, подающего возражение, преследует и публичные интересы, заключающиеся в том, чтобы неправомерно выданные патенты не создавали препятствия развитию науки и ведению третьими лицами деятельности с использованием неохранных технических решений, вследствие чего допускается оспаривание патентов в период срока действия любыми лицами [7]. По смыслу ст. 1229 ГК РФ распоряжение исключительным правом при соправообладании должно осуществляться совместно. При этом нельзя не замечать, что практике известны случаи,

когда правообладатель патента сам оспаривал регистрацию своего патента, например, в связи с несением бремени уплаты покупной цены [8]. Поскольку подача возражения против выдачи патента в конечном счете влияет на существование исключительного права, есть основания полагать, что подача возражения против собственного патента соавтором такого патента возможна только по совместному решению сопатентообладателей и не может осуществляться по инициативе одного из них. Такие действия в ущерб интересам остальных сопатентообладателей с учетом обстоятельств может свидетельствовать о его недобросовестном поведении. Если сопатентообладатель хочет прекратить действие патента, у него есть возможность обратиться в патентное ведомство с заявлением о досрочном прекращении действия патента, но для этого указанное заявление должно быть подписано всеми соправообладателями. Действия по оспариванию патента соправообладателем единолично являются прямым обходом закона (запрещенным ст. 10 ГК РФ) с целью обойти требование о совместном подписании заявления о досрочном прекращении патента.

Признание таких действий недобросовестными важно и с той точки зрения, что необходимо разграничивать правовые последствия признания досрочного прекращения действия патента по заявлению и подобного признания в результате несоответствия объекта условиям патентоспособности. Если в последнем случае патент признается недействительным, то это означает, что объект не подлежал правовой охране, и он исключается из реестра, а при рассмотрении последующих заявок не учитывается экспертизой. В случае досрочного прекращения действия патента без его оспаривания он будет присутствовать в реестре и учитываться при анализе новизны и изобретательского уровня поданных заявок.

Важно заметить, что полномочия Роспатента не позволяют ему на стадии рассмотрения заявления о признании патента недействительным, если такое заявление подано соправообладателем, применять ст. 10 ГК РФ. Но и отмена такого решения в условиях злоупотребления права одним из соправообладателей будет неверным, поскольку интересы частных лиц не могут противоречить публичным интересам общества в охране патентоспособных объектов. Представляется, что в таком случае несоответствие действий принципу добросовестности может быть основанием для взыскания убытков соправообладателей с другого соправообладателя, который инициировал оспаривание спорного патента.

Следует учитывать, что такие же рассуждения применимы и к автору патента, который уже не является правообладателем. Как известно, в соответствии с п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Исключительное право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом [9].

Таким образом, в ситуации, когда соправообладатель или автор пытается оспорить патент, такое поведение должно быть расценено как недобросовестное, поскольку подобные действия представляют собой попытку обхода закона (ст. 10 ГК РФ), который предусматривает необходимость совместного волеизъявления в случае принятия решения о досрочном прекращении действия патента.

В контексте распоряжения исключительным правом на объекты авторских и смежных прав возникает сложность, связанная с отсутствием государственной регистрации таких прав. В этих условиях сторона, заинтересованная в приобретении исключительных прав или в предоставлении права использования, вынуждена полагаться на систему заверений и гарантий (ст. 431.2 ГК РФ), которая предусматривает ответственность за предоставление недостоверной информации при заключении договора.

В отсутствие обязательной регистрации контрагент не имеет возможности получить достоверное подтверждение того, что правообладатель обладает исключительными правами единолично или что конкретный соправообладатель, который выступает стороной по сделке, имеет полномочия на заключение сделки от имени всех соправообладателей. В этом контексте гарантии и заверения, данные стороной при заключении договора, служат важным инструментом для обеспечения правовой определенности и защиты интересов контрагента, поскольку в случае предоставления недостоверной информации виновная сторона может быть привлечена к ответственности.

Таким образом, важность четких и достоверных гарантий и заверений от правообладателя становится ключевым элементом в процессе правового регулирования распоряжения исключительным правом на нерегистрируемые объекты интеллектуальной собственности.

По смыслу п. 1 и 3 ст. 1229 ГК РФ следует, что незаконным признается только использование, осуществляемое иными лицами, нежели правообладатель [10]. Как отмечается в судебной практике, если соправообладатель реализует самостоятельно исключительное право на объект авторских или смежных прав без получения на это согласия другого соправообладателя, то на его контрагента может возлагаться ответственность, поскольку необходимо установить наличие между соавторами соглашения, которое бы предусматривало право соправообладателя использовать объект и распоряжаться исключительным правом самостоятельно и единолично [11]. При этом заключение договора только с одним соправообладателем позволяет не учитывать такой договор суду для легализации факта использования произведения, поскольку он не соответствует положениям п. 3 ст. 1229 ГК РФ [12].

Как видно из указанных примеров, лицо, вступающее в правоотношения по поводу объектов авторских или смежных прав, соправообладателями которых являются несколько субъектов, сильно ограничено в проверке достоверности состава правообладателей и их полномочий, что создает для него соответствующие правовые риски. В обозначенных выше случаях добросовестный контрагент может быть признан нарушителем исключительного права, поскольку не приобретает законных оснований для использования объекта. Совершенная сделка нарушает требование закона и является недействительной в силу ст. 168 ГК РФ как нарушающая требование закона – в данном случае требование абз. 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ о совместном распоряжении исключительным правом [13].

При этом действия лица, которое не имело права на совершение подобной сделки, очевидно, должны квалифицироваться как недобросовестные. Это связано с тем, что обманом считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах,



о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота [14], а наличие соправообладателей как раз и является таким обстоятельством. Следовательно, заключая сделку, правообладатель должен уведомлять своего контрагента о наличии соправообладателей. Только в таком случае его действия могут считаться добросовестными.

Таким образом, добросовестность соправообладателя при распоряжении исключительным правом в пользу третьих лиц проявляется в виде необходимости получения разрешения от других соправообладателей того же объекта. Это означает, что правообладатель должен добросовестно проинформировать своего контрагента обо всех соправообладателях и их правах, что могут оказать влияние на действительность сделки. Соккрытие такой информации может рассматриваться как умышленное введение в заблуждение и, следовательно, как нарушение принципа добросовестности. Добросовестное поведение требует от правообладателя полной прозрачности в отношениях с контрагентами, что обеспечивает защиту интересов всех участников гражданского оборота.

Развитие принципа добросовестности в направлении предотвращения недобросовестного поведения в сфере исключительных прав может быть достигнуто через внесение законодательных изменений. Одним из таких законодательных актов может стать проект Федерального закона № 479514-8 [15], регулирующий вопросы выделения долей в исключительных правах. Этот законопроект предполагает введение существенного условия в соглашения между правообладателями, которое будет определять порядок их совместных действий при распоряжении исключительными правами. Это будет гарантировать, что любые решения относительно исключительных прав будут приниматься коллективно и с согласия всех долевого правообладателей. Данный законопроект направлен на создание прозрачной и четкой процедуры для совместного распоряжения исключительными правами, что, в свою очередь, должно способствовать добросовестному поведению участников правоотношений. Определение ключевых аспектов распоряжения исключительными правами позволит предотвратить возможные споры между соправообладателями и обеспечит защиту как их интересов, так и интересов лицензиатов и других третьих лиц, взаимодействующих с правообладателями.

### Список литературы

1. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 3-е изд., доп. – М.: Статут, 2022. – С. 210–227.
2. Дождев Д. В. Понятие справедливости (aequitas) в римской правовой традиции // Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Исслед. центр част. права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации, Рос. шк. част. права. – М.: Статут, 2021. – С. 8–27.
3. Новицкий И. Б. Принцип добросовестности в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 129.
4. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – М.: Статут, 2012. – С. 307.
5. Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. – 2016. – № 2(230).

6. Sohm R. Der Gegenstand. Ein Grundbegriff des Bürgerlichen Gesetzbuches. – Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1905. – Pp. 61–62.
7. Калятин В. О. Проблемы определения системы правообладателей результатов интеллектуальной деятельности // ИС. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 8. – С. 35–48.
8. Постановление президиума СИП от 17.04.2017 по делу № СИП-289/2016 // СПС «Консультант плюс».
9. Решение СИП по делу № СИП-796/2022 от 27.03.2023 // СПС «Консультант плюс».
10. Пункт 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2023).
11. Справка о некоторых спорных вопросах соправообладания исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и средство индивидуализации (подготовлена к обсуждению на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 30 ноября 2018 года). С. 7. – URL: [https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/spravka\\_po\\_sopravo.pdf](https://ipc.arbitr.ru/files/pdf/spravka_po_sopravo.pdf) (дата обращения: 01.06.2024).
12. Постановление СИП от 15.02.2018 по делу № А32-36047/2016, от 24.12.2020 по делу № А40-29771/2019 // СПС «Консультант плюс».
13. Определение ВС РФ от 27.09.2019 № 305-ЭС19-15824 по делу № А40-151454/2017 // СПС «Консультант плюс».
14. Решение СИП от 30.08.2018 по делу № СИП-188/2018, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2012 по делу № А40-100964/11 // СПС «Консультант плюс».
15. Пункт 99 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

**Е. Д. Борулёва,**

магистрант,

Московский государственный юридический университет  
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «ДИПФЕЙК» ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПРАВОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА**

**Аннотация.** Технологии «дипфейк» используются в коммерческой деятельности для снижения затрат, однако возникает множество рисков, связанных с нарушением прав интеллектуальной собственности и прав личности. В частности, не решен вопрос определения правовой природы дипфейка и объектов интеллектуальной собственности, созданных с применением дипфейка. Целью научной работы является определение пределов законного использования дипфейков и поиск способов предупреждения правонарушений в этой сфере. В статье описаны подходы к определению дипфейков, риски использования данной ИИ-технологии и способы их минимизации. Анализируется судебная практика России и зарубежных юрисдикций по вопросам нарушения авторских прав на произведения и прав